

Известия. — 1999. — 15 мая. — с. 7

Божественно-декоративное искусство

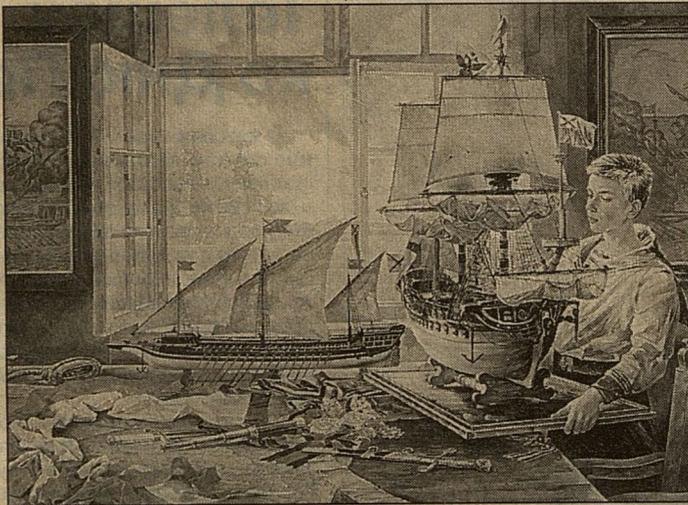
Из трех московских выставок — две религиозные

Ольга КАБАНОВА

Перед критиками, обремененными профессиональной ответственностью, — а таких все-таки большинство, что бы там ни думали обидчивые герои их статей, — перманентно стоит одна и та же проблема. Решить, о чем стоит писать, затруднительно. Например, на прошедшей неделе открылась выставка в Третьяковской галерее. Кажется, надо писать. Большое мероприятие в одном из главных музеев страны — событие статусное и подлежит освещению. Недаром на вернисаже присутствовали журналисты всех солидных изданий и съемочные группы трех крупнейших телеканалов. Но писать об этой выставке — только исполнять служебный долг. Сердце не лежит.

Выставка «Послевоенный русский авангард из собрания Юрия Трайсмана. США» демонстрирует произведения вполне музейного уровня и только известных отечественных художников. Собрание Трайсмана — капитальное. Во всех смыслах этого неоднозначного слова. Бывший советский гражданин, за последнюю четверть века наладивший успешный полиграфический бизнес в заокеанье, подошел к собирательству исключительно ответственно. Сомнительного не брал. Только качественный товар.

В Русском музее, а теперь в Третьяковке выставил 80 отменных (за парой исключений) работ людей, в истории последнего периода отечественного искусства так или иначе отмеченных: Вайсберга, Тышлера, Кабакова, Нестеровой, Булатова, Брускина, Жилинского, Целкова, Штейнберга, Назаренко, Комара и Меламида. Список длинный — все схвачены. Правда, соседство некоторых работ и имен в одном зале выглядит не слишком органично. Если воспользоваться вечно

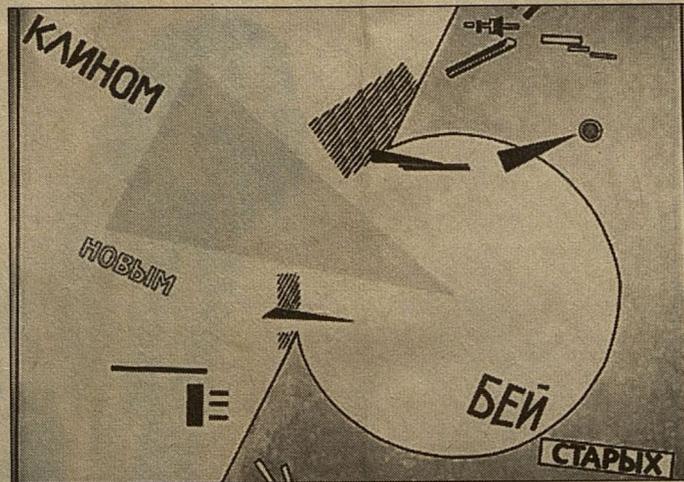
Василий Нестеренко. «С мечтой о флоте»

хромающим, но наглядным кулинарным сравнением, то получилось ассорти, где красная икра вперемешку с черной выложена на ломтик телятины со взбитыми сливками, малосольным огурчиком и шоколадкой. Все само по себе — отменное, а вместе жлововато выглядит. Лучше бы, конечно, коллекционерскими амбициями пожертвовать ради целостности зрительского впечатления или, может, ради идеи какой. Но идеи нет. Для объединения показанного в название выставки вынесено словосочетание «послевоенный русский авангард». Получилось оно столь широкоохватным — от неконформизма до вполне признанного, лишь слегка фрондирующего советского искусства, — что утратило смысл.

О второй большой выставке недели писать, конечно, тоже надо. Уж больно предствительным было ее открытие в Малом Манеже: ответственные за культуру высокопоставленные чиновники московской мэрии, сановитые представители духовенства, офицеры, бизнесмены, просто

красавицы и сам Зураб Церетели. Ждали патриарха, ждали Лужкова, ждали министра культуры и думских депутатов. Кого дождался — не знаю. Давка в залах была такая, что журналисты, осмотревшие выставку до открытия, поспешили покинуть столпотворение.

Имя художника Василия Нестеренко, чью персональную выставку с помпой открывали в главном муниципальном выставочном зале столицы, до сих пор широко известно не было. Однако у художника есть все основания стать всенародным любимцем, баловнем властей и даже поиметь собственный музей в столице. Звездная карьера живописца Шилова — мастера парадного задушевного русского портрета — видимо, вдохновляет тридцатидвухлетнего художника. Он старательно и много пишет в упрощенно-академической и галантерейно-реалистической манере голубоглазых девушек с охапками ромашек, роковых красавиц с цветком лотоса, жизнелюбивых толстух у самоваров, мечтательных мальчиков с ко-

Сергей Бугаев (Африка). «Клином новым бей старых» (из собрания Трайсмана)

раблями. Пишет он и благочестивые лирические пейзажи — «Лето в Иерусалиме», «Зима в Троице-Сергиевой лавре», «Весна на Афоне». Не чурается и больших исторических полотен. Его дипломная работа «Триумф Российского флота» отличается масштабностью, стандартностью композиции и тщательной спланированностью героев (Петр Первый в компании подвижников) с известных исторических портретов и популярных советских кинофильмов. Но главная работа Нестеренко — росписи храма Христа Спасителя. Картоны для них — почетные экспонаты маломанежной выставки.

Изготовленные по-ученически старательно, огромные и холодные, бесстрастные, банальные по композиции и трактовке героев, похожие на рядовую продукцию софринской мастерской, иконы Нестеренко как нельзя больше подходят к строящемуся храму-новоделу — макету в натуральную величину давно утраченного храма. Уроки последних больших религиозных русских художников — Васнецова и Нестерова — как

будто пройдены Нестеренко, но никак не усвоены. Мертвое, коммерческое, официально-заказное благообразие его живописи почему-то пугает. Возможно, от предчувствия, что именно такое искусство будут вновь настойчиво выдавать за образец национального, традиционного и любимого народом.

Кроме двух больших вернисажей, был на этой неделе и камерный. Галерея Айдан — пространство маленькое и приватное, народом мало посещаемое. О происходящем там писать необязательно, но хочется. К тому же выставку Тимура Новикова не заметить невозможно. По крайней мере потому, что сорокалетие художника Русский музей в прошлом году отметил большой персональной выставкой. В коллекции Юрия Трайсмана он, кстати, тоже присутствует и на нынешней выставке в Третьяковке представлен. К тому же писать о Новикове не скучно. Приходится забыть об истории, политике и конъюнктуре. Приходится думать, додумывать и искать слова для выражения не вполне проду-

манных мыслей. Приходится разбираться в изощренной, выстроенной, продуманной новиковской идеологии.

Тимур Новиков в последние десять лет — один из самых ярких авторов петербургской художественной жизни. Он генерирует идеи, он создает события, он делает событие из собственной жизни. Как это делали в прошлом веке романтики, а в начале нынешнего символисты. Новиков основал Новую академию изящных искусств, призванную сохранять академические традиции. Разумеется, так, как понимает эти традиции сам Новиков.

Выставка у Айдан называется «Мадонны». Работы на ней показаны для Новикова характерные — полотна декоративных тканей с наклеенной на них картинкой. Красивые, эстетские, декоративные коллажи. Только раньше они были гедонистическими, а нынче стали религиозными. На этот раз на парчу, сотканную для риз священников, наклеены отрывки с изображением мадонн. Такие в изобилии продаются в католических храмах. Получилось нечто удивительно близкое и католической, и православной традиции декоративно-прикладного искусства. Так оформляют маленькие придорожные часовни в Италии и Испании, с таким же старанием украшают красные углы у нас. Задумал Тимур Новиков свои работы и подобрал материал к ним два с лишним года назад, когда еще не потерял зрение. Под мадоннами он долго и умно говорил о своем решительном разрыве с модернистской традицией, о необходимости сохранять классическое искусство, о своей религиозности, об опасности западного атеистического мышления, о чувстве родства с духовным и творческим поиском Ильи Глазунова. Уверял, что говорит без иронии и искренно. Насколько искренно, не могу судить.